

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/UDHXUM>
УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

ИСТОРИЯ ДЛЯ НАРОДА В «ЕРМАКЕ» Л.Н. ТОЛСТОГО: СТРОГАНОВСКИЙ СЮЖЕТ

© 2024 г. Е.Е. Анисимова
*Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия*
Дата поступления статьи: 14 января 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 26 марта 2024 г.
Дата публикации: 25 июня 2024 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-200-217>

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00275 (<https://rscf.ru/project/23-28-00275/>)*

Аннотация: На материале источников, находившихся в поле зрения Л.Н. Толстого, в статье предпринята попытка контекстуализировать рассказ «Ермак», рассмотреть его в свете полемики о значении Строгановых для русского продвижения в Сибирь. Показано, каким образом рассказ, написанный для читателя из народа, наследует историософской программе, сформулированной писателем в романе «Война и мир». В работе проанализированы дебаты о степени достоверности Строгановской летописи, участниками которых стали известные историки — Г.И. Спасский, П.А. Словцов, Н.Г. Устрялов, П.И. Небольсин и др.; показано, что основой толстовского сюжета стала творчески переосмысленная концепция движения народов С.М. Соловьева, отразившаяся в его труде «История России с древнейших времен». В центре внимания находились воззрения Толстого на движущие силы истории, развитие связанных с образом Ермака замыслов, восходящих еще к повести «Казачьи», мотивно-образные и сюжетные переклички «Ермака» с иными рассказами «Второй русской книги для чтения» и другими сочинениями классика 1860–1870-х гг.

Ключевые слова: Ермак, народные рассказы Л.Н. Толстого, С.М. Соловьев, Строгановы.

Информация об авторе: Евгения Евгеньевна Анисимова — доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 79, 660041 г. Красноярск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

E-mail: eva1393@mail.ru

Для цитирования: Анисимова Е.Е. История для народа в «Ермаке» Л.Н. Толстого: Строгановский сюжет // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 2. С. 200–217.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-200-217>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 2, 2024

A HISTORY FOR THE COMMON PEOPLE IN LEO TOLSTOY'S "ERMAK": THE STROGANOV PLOT

© 2024. Evgeniya E. Anisimova
*Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia*

Received: January 14, 2024

Approved after reviewing: March 26, 2024

Date of publication: June 25, 2024

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00275 (<https://rscf.ru/project/23-28-00275/>).

Abstract: The article attempts to contextualize Leo Tolstoy's short story "Ermak," to study the range of sources that were in the author's field of view, and, finally, to correlate the story with the long-standing debate on the role of the Stroganov merchant family in the acquisition of Siberia. The article shows how this short story, adapted for the common people, inherits the historiographical program formulated by the writer in the novel "War and Peace." The article analyzes the discussion on the degree of reliability of the Stroganov chronicle, initiated by prominent historians such as G.I. Spassky, P.A. Slotvsov, N.G. Ustryalov, P.I. Nebolsin, etc. It also shows that the basis of Tolstoy's plot was the creatively rethought idea of migration of peoples posed by S.M. Solovyov in his work "The History of Russia Since Ancient Times." In the course of the analysis, the prime attention was directed on Tolstoy's views on the driving forces of history, the evolution of "Ermak" initial concept regarding its dependence on the story "The Cossacks," motif-plot and imagological links with several stories of the "The Second Russian Book for Reading" and other Tolstoy's 1860s–1870s works.

Keywords: Ermak, Leo Tolstoy's stories for children, S.M. Solovyov, the Stroganovs.

Information about the author: Evgeniya E. Anisimova, DSc in Philology, Professor, Siberian Federal University, Svobodny ave., 79, 660041 Krasnoyarsk, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

E-mail: evar1393@mail.ru

For citation: Anisimova, E.E. "A History for the Common People in Leo Tolstoy's 'Ermak': The Stroganov Plot." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 2, 2024, pp. 200–217. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-200-217>

Важной и до сих пор должным образом не оцененной вехой в истории литературных воображений Ермака является одноименный рассказ Л.Н. Толстого. Достигнув к 1870-м гг. статуса национального классика, своим обращением к образу одного из героев русской истории романист реактуализировал старую тему. После опытов И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, К.Ф. Рылеева, а также знаковых (хотя и не реализовавшихся) пушкинских замыслов 1824–1825 гг.¹ перо великого художника создает следующий текст в этой цепи классических сочинений о присоединении Сибири.

«Ермак» (1862; 1872) был включен писателем в его «Вторую русскую книгу для чтения» и представляет для исследователя интерес не только в качестве самостоятельного текста, но и — части цикла, обнаруживая переключки с другими рассказами сборника. Снабженное подзаголовком «История» и созданное вскоре после того, как романист завершил работу над «Войной и миром», краткое сочинение представило детской публике адаптированную для нужд этой аудитории историософскую программу писателя.

Образ Ермака занимал художника длительное время и претерпел в его сознании немалые изменения. Впервые Толстой подступил к теме покорения Сибири в ходе работы над повестью «Казачи» (1862) — т. е. сюжет о Ермаке вместе со всей «казачьей темой» как бы предвосхищал «мысль народную» эпопеи о войне 1812 г. Вторая попытка была сделана уже после выхода «Войны и мира» в свет: итогом стало совершенно новое произведение. В нем на примере судьбы казачьего атамана Толстой раскрыл для демо-

1 См.: [1, с. 117–144].

кратического читателя свое понимание исторического процесса — прежде всего роль простого человека и законы взаимодействия разных сословий, причем последние были организованы как своего рода образец поведения.

Социально-возрастная адресация в данном случае имела принципиальный характер. Если целевой аудиторией сочинений о Ермаке историков и писателей XVIII – начала XIX в. была образованная часть общества, то Толстой в данном случае обращался к читателю из народа. Автор словно почувствовал присущее середине – второй половине XIX в. погружение сюжета о Ермаке в пространство лубочной словесности, его, так сказать, вторичную фольклоризацию², и решил не отступать от наметившейся тенденции. Однако на фоне крайне скудного репертуара исторических сюжетов, включенных в «русские книги для чтения», «Ермак» стоит особняком, являясь единственным произведением, обращенным к действительной истории, описывающим ее последовательно, «как было на самом деле», а не в русле анекдота и/или забавного случая.

Большая история, по Толстому, — это постоянное перемещение народов, и в этом смысле его роман-эпопея и рассказ о Ермаке посвящены сходным процессам на западной и восточной границах России: можно сказать, что русский завоеватель Ермак сделан как бы Наполеоном «наоборот». В эпилоге к «Воине и миру» писатель так охарактеризовал эпоху, анализу которой посвящен роман. «Основной, существенный факт европейских событий начала нынешнего столетия есть воинственное движение масс европейских народов с запада на восток и потом с востока на запад» [20, т. 12, с. 240]. Освоение новых земель в эпоху Ивана IV, «движение русского народа на восток, в Казань и Сибирь» [20, т. 12, с. 312], понималось как хронологически более ранняя веха этой же мировой закономерности.

Личные записи Толстого, черновики, а также особенности поэтики интересующего нас рассказа свидетельствуют об использовании разных источников о Ермаке — фольклора, летописей, современной историографии. В исторических и художественных нарративах прежних эпох сюжет о завоевании Сибири основывался, как правило, на том или ином бинарном противопоставлении (атаман vs царь, атаман vs татары), полюса которого оснащались индивидуально-авторскими интерпретациями. Свои воззрения

2 О Ермаке в традиции лубка см.: [10].

на историю Толстой сформулировал в эпилоге к «Войне и миру», представив всякое соединение людей для общей деятельности в виде конуса, в котором между властью и народом (т. е. между вершиной и основанием фигуры) располагаются все остальные деятели в диапазоне от лиц, преимущественно дающих распоряжения, к непосредственным участникам исторических событий [20, т. 12, с. 318–319]. В свете таких суждений рассказ о Ермаке потребовал не столько определения сторон и природы конфликта, сколько максимально полной реконструкции взаимосвязей между всеми вовлеченными в процесс освоения Сибири силами.

Предложенные предшественниками толкования казачьего похода, в которых смелое предприятие объяснялось божественной волей, случаем или способностями даровитого вождя, были для Толстого неприемлемы. Потому он сосредоточился на самом процессе движения на восток и обеспечившем его результативность взаимодействии всех участников колонизации. Необходимым звеном между верховной властью и казачьим войском в концепции Толстого стали купцы Строгановы (Строгоновы), инициировавшие освоение восточных рубежей Русского государства задолго до Ермака. При этом Иван IV не столько направлял экспансию в Сибирь, сколько не мешал ей, более того, несколько запоздал с военной помощью русскому отряду.

После завершения «Войны и мира» Толстой обратился к новому замыслу — роману о петровской эпохе. В качестве основного исторического источника был избран труд современника — «История России с древнейших времен» (1851–1879) С.М. Соловьева. Как известно, замысел так и остался неосуществленным, однако внимательное чтение книги оставило след в записных книжках Толстого и, как представляется, повлияло на его концепцию покорения Сибири. В свою очередь сам Соловьев резюмировал в своем многотомном исследовании результаты научных дискуссий 1820–1850-х гг. о походе Ермака и степени достоверности Строгановской летописи. Участниками полемики были видные историки — Г.И. Спасский, П.А. Словцов, Н.Г. Устрялов, П.И. Небольсин и др. Сначала споры не выходили за пределы научного сообщества, однако к середине столетия стали достоянием широкой общественности. Прежде чем обратиться к рассказу Л.Н. Толстого «Ермак», рассмотрим основные вехи этой полемики.

Споры о вкладе Строгановых в подготовку завоевания Сибири были частью дискуссии о действующих силах истории, актуализировавшейся

в отечественной историографии после Н.М. Карамзина. В отношении событий XVI в. это означало установление субъектов завоевания Сибири и той роли, которую сыграли в этом процессе разные исторические лица. В узких академических кругах дебаты начались вскоре после опубликования «Летописи Сибирской» Г.И. Спасским в 1821 г. [13]. Тобольский историк П.А. Словцов высказал замечания к издателю (а заодно и к летописцу) и поставил под сомнение достоверность исторического документа. Наряду с проблемами хронологии, географии и стиля инициатор полемики указал на предвзятость автора и его чрезмерную, на взгляд Словцова, приверженность к фамилии Строгановых. Защищая свое открытие³, Спасский выступил с ответной речью на заседании Вольного Общества любителей Российской словесности и в числе прочего оспорил тезис о предвзятости летописца [8, с. 118–120].

До публикации Строгановской летописи Словцов уже высказывался о движущих силах истории в процессе покорения Сибири, назвав ключевым фактором успеха взятие Казани Иваном Грозным и тот почти мистический эффект, который был вызван этим событием за Уралом. Завоевание, по Словцову, своими сравнениями предвосхищающего здесь Толстого, «походит на неизбежный удар последнего шара, толкнутого длинным рядом предыдущих шаров» [18, с. 56]. Свой взгляд на историю Зауралья после похода Ермака автор выразил в двухтомном «Историческом обозрении Сибири» (1838; 1844). Словцов посвятил первую книгу Г.Ф. Миллеру, знаково не упомянув в своем труде Н.М. Карамзина, опиравшегося в «Истории государства Российского» на Строгановскую летопись. Столь сдержанное отношение к Строгановым со стороны Словцова связано с его пониманием целей освоения зауральских земель. Говоря о купеческом семействе, он особо выделил их участие в «вымене мехового товара у звероловов» [17, с. XIV]. Историк полагал, что на первых порах привлекательность Сибири

3 Безотносительно к реальным обстоятельствам 1820-х гг. Словцов пронизательно уловил заинтересованность Спасского в контактах с аристократическим семейством Строгановых. Так, под занавес своей научной и, в частности, публикационной деятельности Спасский непосредственно выходит на С.Г. Строганова и преподносит ему список первой редакции летописи, сегодня считающийся ключевым. Издатели Строгановской летописи специально отметили: «На первом листе, принадлежащем к переплету, сделана отметка: “Подарена мне Григорием Ивановичем Спасским 13-го ноября 1843 года в Москве. Граф Сергей Строганов”» [16, с. II].

состояла не в развитии производства, а прежде всего в добыче пушнины. В этом смысле миссия Строгановых представлялась Словцову лишь косвенно связанной с завоеванием новых земель, а Ермак — добытчиком «мягкого золота». Такой взгляд на поход Ермака не был распространен в кругах предшественников и современников Словцова, зато во многом предвосхищал работы современных исследователей⁴. Историк видел подвиг атамана в непосредственном служении государству и царю, а не семье Строгановых. В приложении ко второй книге «Исторического обозрения Сибири» автор еще раз высказал свои возражения по поводу призвания Ермака семьей промышленников. На этот раз он направил свою критику в адрес Н.Г. Устрялова, создателя «Русской истории» (1837–1841) и книги «Именные люди Строгановы» (1842), в которой историк привел новые аргументы из царских грамот в пользу призвания казаков [21, с. 16–19].

Иначе говоря, к 1840-м гг. в отечественной историографии существовало три версии завоевания Сибири Ермаком. Одна восходила к Есиповской и Ремезовской летописям, придававшим освещаемым событиям providенциальный характер, вторая — к фольклорным и фольклоризованным письменным источникам (например Кунгурскому летописцу), подчеркивавшим своеволие и самостоятельность атамана, третья — к Строгановской летописи, приверженцы которой (как Карамзин) исходили из программного характера завоевания, подготовленности предприятия усилиями прежде всего Строгановых⁵.

29-томный труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851–1879) стал следующим этапным историческим сочинением после карамзинской «Истории государства Российского». Необходимость написания новой фундаментальной работы по отечественной истории возникла, по мысли В.О. Ключевского, из-за того, что «знаменитая книга Карамзина... не отвечала на исторические вопросы, которые успели выступить

4 См.: [9, р. 3, 11].

5 Прояснить особенности повествовательных стратегий в текстах-первоисточниках позволяет сопоставление русских летописей с испанскими хрониками о Конкисте Америки. По мнению В.Б. Земскова, для русских летописцев и завоевателей были характерны разные варианты коллективного сознания: «Русское взятие Сибири было совершено вольницей (во главе которой стоял наиболее инициативный казак, но не осмыслявший себя в иной, отличной от членов вольницы системе понятий), т. е. коллективным субъектом. Испанскому “я” в русских летописях противопоставлено коллективное “мы” (“они”), хотя, естественно, персональная роль предводителя всячески выделяется» [4, с. 181].

в нашем общественном сознании со смерти знаменитого историографа» [12, с. 506–507]. Соловьев стремился не столько реконструировать характер правления того или иного государя, сколько описать закономерности исторического развития.

Соловьев в своем труде сосредоточился главным образом на внутренних процессах русской истории, особенностях и маршрутах русской колонизации: «Древняя русская история есть история страны, которая колонизируется» [19, кн. II, с. 631]. Основным направлением географического расширения историк называет северо-восток: «два племени, которым принадлежит новая история Европы, славянское и германское, при разделении между собой европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: германское — от северо-востока к юго-западу, славянское, наоборот, — от юго-запада к северо-востоку» [19, кн. II, с. 631]. В русле сформулированной Соловьевым теории колонизации покорение Сибири становилось одним из закономерных событий национальной истории. Ученый посвятил походу Ермака отдельную главу, рассмотрев взятие Сибири в контексте отечественных колонизационных процессов и отметив большой вклад «именитых людей», о чем свидетельствует уже наименование «сибирской» главы — «Строгановы и Ермак».

Публикации 6-го тома «Истории» Соловьева предшествовала большая дискуссия о роли Строгановых в освоении Сибири и созданной под их контролем Строгановской летописи, инициированная выходом в 1849 г. книги П.И. Небольсина «Покорение Сибири». В ней автор вслед за Словцовым стремился нивелировать вклад Строгановых в поход Ермака, подчеркнув, однако, не харизму Ивана Грозного, а народный характер завоевания — подвиг «неученого, как видно, безграмотного даже простолюдина» [15, с. 137]. Мысль о походе в Сибирь, по его мнению, принадлежала исключительно самому казачьему атаману и изначально носила бессознательный характер, будучи вызванной «счастливым наитием». Историческую стратегию автора Строгановской летописи, а вслед за ним и Карамзина Небольсин охарактеризовал как мысль «приплести имя Строгановых к имени Сибири и приписать им ее покорение» [15, с. 64].

Чуть ранее в том же 1849 г. Небольсин опубликовал исторический рассказ для детей «Ермак», в котором представил художественную версию похода. Автор выстроил свое повествование так, что фамилия Строгановых

оказалась не упомянутой ни разу. В качестве мотивировки прихода главного героя в Сибирь Небольсин предложил желание атамана научить вогуличей и остяков пользоваться огнестрельным оружием: «Что если бы эти бедные сибирские народы знали, что значит ружье и умели бы обходиться с порохом?.. Вот у нас так есть ружья! Постой-ка, я туда поеду, да покажу и научу их, как надо из ружья стрелять!..» [14, с. 85]. Техническое превосходство одной из сторон являлось важнейшим фактором результативной колонизации, что несколько позднее было афористически сформулировано британским поэтом Хилэром Бэллоком в стихотворении «Современный путешественник»: «Что бы ни случилось, мы дадим ответ: у нас есть пулемет Максим, а у них его нет»⁶. В европоцентристской перспективе, которой придерживался также отвергаемый Небольсиным Карамзин, это правило работало неукоснительно — хотя, конечно, любому русскому писателю упоение преимуществом технологически продвинутого колонизатора над «дикарем» совершенно не присуще. Как бы то ни было, мотив читается в карамзинском рассказе о Ермаке: «Завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеванием Мексики и Перу: также горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями...» [11, с. 386].

Небольсин использует эту закономерность с точностью до наоборот: его казаки не только не стремятся использовать огнестрельное оружие в качестве своего преимущества, но и хотят дать его в руки местному населению. Автор «Покорения Сибири» являлся сторонником идеи гражданской колонизации, а потому решительно переосмыслил фактор военного превосходства и вступил в противоречие (вероятно — вполне осознанное) с западной доктриной. По Небольсину, на первых порах «правильная колонизация» была невозможна, но впоследствии именно мирное заселение Зауралья крестьянами обеспечило успех всего предприятия. В своем рассказе для детей историк делает эту более позднюю практику освоения территории частью первоначального замысла самого Ермака.

Если детский рассказ Небольсина был принят критикой благосклонно, то научные изыскания автора, напротив, встретили резкое неприятие со стороны главных журналов и газет середины XIX в., упрекавших автора в заведомой предвзятости и приоритете личных воззрений над историче-

6 Об историческом контексте этой колониалистской идиомы см.: [6, с. 30, 509].

скими фактами. Столь радикальный пересмотр летописей и академических концепций вскоре вызвал негативную реакцию и в ученой среде. На защиту Карамзина и Строгановской летописи встал С.М. Соловьев, раскритиковав в своей «Заметке относительно завоевания Сибири» источниковедческие наблюдения Небольсина и указав на использование летописцем XVII в. достоверных исторических документов — царских грамот, которые подтверждают участие промышленников в колонизации Сибири [19, кн. III, с. 693]. Концепция Небольсина, стремившегося вопреки имеющимся документам сделать выходца из народа единственным завоевателем Сибири, после обстоятельной критики Соловьева потерпела поражение и на долгое время была забыта. Позднее новые данные по этому дискуссионному вопросу подтвердили участие Строгановых в организации похода и даже позволили «дифференцировать роль каждого из современников Ермака» [5, с. 263].

Глава «Строгановы и Ермак» писалась Соловьевым с учетом недавней полемики и включала полные тексты главных исторических документов, подтверждающих участие Строгановых в освоении Сибири, — царских грамот и челобитных. Методичное цитирование первоисточников позволяло поставить точку в возобновившейся дискуссии. Полемическая «Заметка относительно завоевания Сибири», содержащая разбор работы Небольсина, была включена автором в состав дополнений к 6-му тому и располагалась сразу после «сибирской» главы.

Мысль Соловьева об определяющей роли колонизационных процессов в отечественной истории и историко-культурный контекст середины XIX в. не могли не сказаться на образе Ермака в его книге. Во-первых, историограф предложил отличный от карамзинского подход к изложению биографии лидера казачьей дружины. Соловьева интересовали не столько жизнеописание «героя сибирского» и взятые у С.У. Ремезова слухи о посмертных чудесах, сколько вклад атамана в колонизацию новооткрытых земель. Посвященный ему фрагмент завершался царской грамотой Строгановым об отправке воевод, а о гибели атамана сообщалось уже в середине следующего тома. Во-вторых, в подготовке продвижения на северо-восток Соловьев особо выделил Строгановых, деятельность которых явилась необходимым условием для воинского подвига казаков. О многолетних инициативах купеческого рода автор повествует не менее подробно, чем о самом завоевании, соотнося образ Ермака в своей исторической программе

не столько с фигурой царя, как ранее это делал Карамзин, сколько с «именитыми людьми».

* * *

В художественной словесности интерес к фигурам Строгановых в связи с историей покорения Сибири впервые наметился в 1830–1840-е гг., что точно соответствовало усилению «третьего сословия» в жизни государства. Однако последовательное подключение Строгановского сюжета к художественным нарративам о Ермаке отмечается во второй половине XIX в. и во многом определяется художественными открытиями Л.Н. Толстого. Фигурой покорителя Сибири писатель заинтересовался еще в 1850–1860-е гг. 16 апреля 1852 г. он зафиксировал в своем дневнике читательские впечатления от одной из популярных книг о народном герое: «Читал Веч[ного] жида, Ермака, и предание о П[етре] В[еликом]. Есть какое-то особенное удовольствие читать глупые книги; но удовольствие апатическое» [20, т. 46, с. 110]. В черновиках Толстого сохранился ранний рассказ о Ермаке, начатый вскоре после завершения работы над «Казачками». В состав материалов для этой повести входили казацкие песни о Ермаке, а главного героя произведения писатель сделал практически однофамильцем легендарного атамана — Оленин (Аленин)⁷.

В 1870 г. автор «Войны и мира» внимательно читал «Историю» Соловьева, изучив сначала книги, посвященные эпохе Петра I, а затем — предстоящие тома о древней отечественной истории [2, с. 16]. О творческом восприятии труда историографа свидетельствуют записные книжки Толстого, в которых он сетует на недостаточное внимание со стороны ученого к народу как «производителю» истории и приходит к выводу о существенных отличиях между *историей-наукой* и *историей-искусством* (см. записи от 4 и 5 апреля 1870 г.). Вероятно, в это время рождается замысел нового произведения о Ермаке как движение вглубь истории на примере «жизни одного мужика в XVI веке» [20, т. 48, с. 126].

В 1871 г. Толстой начал работу над детскими изданиями для народа. В состав его второй книги для чтения вошел рассказ «Ермак» (1872), не повторяющий наработки писателя начала 1860-х гг. и обнаруживающий яв-

7 Л.Н. Толстой называет Ермака Василием Тимофеевичем Алениным, П.А. Словцов и П.П. Небольсин используют вариант фамилии Оленин.

ные следы влияния «Истории» Соловьева. Рассказы исторического содержания не составляли значительной части книг для чтения. Как отметил еще Б.М. Эйхенбаум, из отечественной истории для детского чтения Толстой отобрал только два имени — Ермака и Петра Великого [7, с. 582]. Синхронность творческих замыслов о царе-реформаторе и казачьем атамане свидетельствует о системном характере этой пары в сознании писателя. Петру I, основателю Петербурга, расширившему Русское государство на запад и сделавшему его одной из крупнейших европейских империй, соответствовал, по мысли Толстого, Ермак — герой русской восточной границы, отечественный первопроходец в Азии. Произведение о Петре осталось неоконченным, однако некоторые размышления писателя, свидетельствующие об усвоении концепции С.М. Соловьева, вошли в написанный в это же время роман «Анна Каренина»: «взгляд русского народа вытекает из сознания им своего призвания заселить огромные, не занятые пространства на востоке», — говорит в романе Левин [20, т. 19, с. 255].

О динамике восприятия романистом образа Ермака свидетельствуют различия в рассказах 1862 и 1872 гг. В первоначальной версии главное внимание было уделено родословной и незаурядному характеру героя, отличающему его от товарищей. Характер Ермака в произведении создавался на основе народных песен, посвященных разбойничьему прошлому атамана. В набросках тем статей и рассказов для «Азбуки» «Ермак» последовательно соседствовал с двумя историческими лицами — Пугачевым и Суворовым — казаком-мятежником и усмирявшим его восстание полководцем. Решение Ермака отправиться в Сибирь в рассказе 1862 г. было продиктовано внешними факторами — приходом царского войска и скорым наступлением зимы и отсылало к известной народной песне про атамана «Как на речке на реке Камышевке...» из материалов Толстого к «Казакам».

Для «Ермака» 1872 г. писатель избрал иную стратегию описания героя, а в качестве зачина взял подробную историю освоения Сибири предприимчивыми Строгановыми. Толстой ориентируется на исторические построения Соловьева и после большой преамбулы включает адаптированное для детей последовательное цитирование переписки Строгановых с царем:

«Строгановы и Ермак» С.М. Соловьева

В царствование Иоанна IV Строгановы обратили свою промышленную деятельность далее на восток, в область Камы; в 1558 году Григорий Аникиев Строганов бил царю челом и сказывал: в осьмидесяти осьми верстах ниже Великой Перми, по реке Каме... лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому... Григорий Строганов бил челом, что хочет на этом месте городок поставить... дворы ставить, людей называть неписьменных и нетяглых... [19, кн. III, с. 666].

Выбор Строгановыми Ермака также воспроизводит текст «Истории» Соловьева, в которой усилению казачества на Дону уделяется особое внимание:

«Строгановы и Ермак» С.М. Соловьева

Как упомянутый Мишка Черкашнин отмстил за своего сына, взятого в плен крымцами и казненного, видно из следующего донесения...

...какой-то Сары-Азман слывет, с товарищами...

Козаки явились к Строгановым в числе 540 человек под главным начальством атамана Ермака Тимофеева... [19, кн. III, с. 671–673].

«Ермак» Л.Н. Толстого 1872 г.

При царе Иване Васильевиче Грозном были богатые купцы Строгановы, и жили они в Перми, на реке Каме. Прислышали они, что по реке Каме на 140 верст в кругу есть хороша земля: пашня не пахана от века, леса черные от века не рублены. В лесах зверя много, а по реке озера рыбные, и никто на той земле не живет, только захаживают татары.

Строгановы написали царю письмо: «Отдай нам эту землю, а мы сами по ней городки построим и народ соберем, заселим и не будем давать через эту землю ходу татарам» [20, т. 21, с. 190].

«Ермак» Л.Н. Толстого 1872 г.

Приехали приказчики на Волгу и стали спрашивать: какие тут казаки слывут? Им и говорят: «Казаков много. Житя от них не стало. Есть Мишка Черкашнин; есть Сары-Азман... Но нет злее Ермака Тимофеевича, атамана» [20, т. 21, с. 190–191].

У Соловьева и в толстовском отклике на его идеи призвание казаков Строгановыми свершается вследствие естественного хода истории: «мирные промышленники нуждались в передовых людях колонизации, которые

вовсе не имеют мирного промышленного характера, нуждались в отыскивателях путей, новых земель, нуждались в козаках» [19, кн. III, с. 670]. Если, по Небольсину, Строгановы и Ермак принадлежали не просто различным, но и враждебным сословиям, то для Толстого все они являются представителями народа. Общими чертами как купцов, так и казачьего атамана становятся инициативность, народная смекалка и умение принимать верное решение в критической ситуации. Главные герои рассказа Л.Н. Толстого действуют иррационально [3, с. 39], непредсказуемо для окружающих, и именно благодаря этому достигают успеха. Строгановы после открытой угрозы со стороны Кучума неожиданно для всех обращаются за помощью к Ермаку Тимофеевичу, «злее» которого не было никого на всей Волге, атаман предлагает штурмом взять неприступный город Сибирь, в то время как большинство казаков хотят вернуться обратно или проплыть мимо. Результатом их действий становится возвращение к мирной жизни. Внутри этой композиционной структуры смерть Ермака оказывается звеном в естественном ходе событий (такова в «Войне и мире» смерть Платона Каратаева), а потому никому в вину не ставится. Напротив, последние строки рассказа фиксируют триумф начинаний Ермака и Строгановых: «На другой год пришло царское войско, и татары замирились» [20, т. 21, с. 196].

Во втором рассказе о Ермаке 1872 г. Толстой отказался от песенных сюжетов о разбойничьем прошлом атамана, включив в повествование пословицы и поговорки, смыслом которых руководствуются главные герои. Проступки казаков в концепции зрелого Толстого связываются с переизбытком в них жизненной энергии, которая требует выхода и в итоге находит его на пути в Сибирь: «Я и сам не рад, да с народом моим не совладаешь — набаловались. Дай нам работу» [20, т. 21, с. 191], — говорит Ермак Строганову. Персонажи-купцы позволяют писателю адаптировать историческое повествование, приблизив его к понятному для детей жанру волшебной сказки, традиционными функциями которой являются получение задания, волшебные помощники и предметы (ружья). «Романный» карамзинский Ермак, мятущаяся личность, стремящаяся к реабилитации в глазах власти и общества, со всей очевидностью Толстому не нужен.

Отдельная аналитическая задача — прояснить смысл образа Ермака в обширном контексте толстовской книги рассказов. «Русские книги для чтения» представляли собой циклы произведений, подчиненные опреде-

ленной композиционной логике. Во-первых, сочинения внутри каждой из книг располагались по принципу от простых к сложным, что было обусловлено дидактико-педагогическими целями издания. В этом смысле «Ермак», помещенный автором на предпоследнее место, оказывался в той же «сильной позиции», что и ключевые произведения прочих трех книг. Последними во всех из них фигурируют «стихи-сказки» о русских богатырях — адаптированные для детского чтения былины. Во-вторых, внутри книг писатель формировал тематические и жанровые микроциклы, в которых друг за другом следовали близкие по проблематике произведения. В этой логике неслучайным видится соседство «Ермака» во «Второй русской книге для чтения», с одной стороны, с былью «Архиерей и разбойник», посвященной раскаявшемуся преступнику, а с другой — со стихами-сказкой о богатыре Сухмане. Такое композиционное решение акцентирует главное противоречие и динамику биографии Ермака — с ее подчеркнута не эпическим разбойничьим началом и эпико-героическим финалом. Окончивший свой жизненный путь в водах Иртыша атаман и обратившийся в Сухман-реку русский богатырь олицетворяют собой естественное движение жизни, подобное течению рек, и демонстрируют таким образом внесубъектные силы истории. Впоследствии эта метафора будет концептуализирована в романе «Воскресение»: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая» [20, т. 32, с. 194]. Антитезой «Ермаку» становится в книге рассказ «Индеец и англичанин», в котором не настроенный на бесконфликтное сосуществование с местными жителями представитель западной цивилизации оказывается не способным усвоить урок милосердия с их стороны.

В «Ермаке» взятие Сибири иллюстрируется притчей о лошади. Ее рассказывает своим товарищам сам атаман в момент, когда дружина должна сделать решающий выбор — биться с превосходящими силами противника или возвращаться обратно. В притче кобыла отказывалась идти в гору, в результате чего погибла от руки хозяина. Близкие по смыслу и образности сюжеты неоднократно встречаются у Толстого в его книгах для чтения («Мужик и лошадь», «Две лошади», «Лошадь и хозяева» и др.). Они утверждают мысль о необходимости следовать своему долгу, в том числе в критической ситуации. Однако в «Ермаке» притча о лошади проецируется

уже на конкретное историческое событие, позволяя под новым углом зрения взглянуть на завоевание Сибири как на трудный, но естественный путь русского народа.

Подведем итоги. Если в художественных нарративах о завоевании Сибири первой половины XIX в. был распространен сюжет покорения как превращения *чужого* в *свое*, одним из вариантов которого была история любви атамана и иноземки, то во второй половине столетия процессы колонизации Сибири и образ Ермака начинают связываться с именем Строгановых. В новых сюжетах об атамане казачья дружина оказывается частью естественного движения русского народа на восток, которое делается возможным только при условии тесного взаимодействия разных исторических сил — царя, промышленников, казаков и т. д. Колонизационный союз Ермака и «именитых людей» может быть представлен в виде самостоятельного сюжета, а может трансформироваться в матримониальный сюжет женитьбы атамана или его сюжетного двойника на героине из семьи Строгановых. Избрав в качестве главного исторического источника работу Соловьева, автор «Войны и мира» тем самым закрепил в отечественной словесности академическую традицию, опирающуюся на Строгановскую летопись и отдающую Строгановым приоритетную роль в колонизации Сибири.

Список литературы

Исследования

- 1 *Альциуллер М.* Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. СПб.: Академический проект, 2003. 350 с.
- 2 *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 695 с.
- 3 *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* *Ex ungue leonem.* Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 288 с.
- 4 *Земсков В.Б.* Хроники конквисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке вопроса) // Свободный взгляд на литературу: Проблемы современной филологии. М.: Наука, 2002. С. 173–183.
- 5 *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 390 с.
- 6 *Хобсбаум Э.* *Век империи. 1875–1914.* Ростов н/Д: Феникс, 1999. 512 с.
- 7 *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 951 с.

- 8 Янушкевич А.С., Анисимов К.В. Из рукописного наследия Г.И. Спасского // Пространство культуры и стратегии исследования: Статьи и материалы о русской провинции: XX Фетовские чтения. Курск: Изд-во КГУ, 2006. С. 109–146.
- 9 Bassin M. Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. 1988. Vol. 14, № 1. P. 3–21.
- 10 Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1985. 450 p.

Источники

- 11 Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: В тип. Н. Греча, 1821. Т. IX. 472, 298 с.
- 12 Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 г.) // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 496–513.
- 13 Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель Русскими, при Царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб.: В тип. департамент. народ. просвещ., 1821. 88 с.
- 14 Небольсин П.И. Ермак, исторический рассказ для детей: в 2 ч. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1849. Ч. 1. 111 с.
- 15 Небольсин П.И. Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб.: В тип. И. Глазунова и К°, 1849. 146, 112 с.
- 16 Сибирские летописи. Изд. Импер. Археографич. комиссии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1907. XXXVIII, 397, 21 с.
- 17 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. М.: В тип. А. Семена, 1838. Кн. 1. XXX, 589 с.
- 18 Словцов П.А. Похвальное слово царю Иоанну Васильевичу IV. СПб.: В Медицинской тип., 1807. 118 с.
- 19 Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1988–2000.
- 20 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
- 21 Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб.: В тип. штаба военно-учеб. завед., 1842. 120 с.

References

- 1 Al'tshuller, M. *Mezhdū dvukh tsarei: Pushkin v 1824–1836 gg.* [Between Two Tsars: Pushkin in 1824–1836]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 350 p. (In Russ.)
- 2 Gusev, N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoi: Materialy k biografii s 1870 po 1881 god* [Leo Nikolaevich Tolstoy: Materials for Biography from 1870 to 1881]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1963. 695 p. (In Russ.)
- 3 Zholkovskii, A.K., and Iu.K. Shcheglov. *Ex ungue leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [Ex Ungue Leonem. Tolstoy's Short Stories for Children and the Poetics of Expressiveness]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 288 p. (In Russ.)
- 4 Zemskov, V.B. "Khroniki konkisty Ameriki i letopisi vziatiia Sibiri v tipologicheskom sopostavlenii (k postanovke voprosa)" ["Chronicles of the Conquest of America and Chronicles of the Acquisition of Siberia in a Typological Comparison (Formulation of the Question)"]. *Svobodnyi vzgliad na literaturu: Problemy sovremennoi filologii* [A Free Look at Literature: Problems of Modern Philology]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 173–183. (In Russ.)
- 5 Romodanovskaia, E.K. *Sibir' i literatura. XVII vek* [Siberia and Literature. 17th Century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 390 p. (In Russ.)
- 6 Khobsbaum, E. *Vek imperii. 1875–1914* [The Age of Empire. 1875–1914]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1999. 512 p. (In Russ.)
- 7 Eikhenbaum, B.M. *Lev Tolstoi: issledovaniia. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009. 951 p. (In Russ.)
- 8 Ianushkevich, A.S., and K.V. Anisimov. "Iz rukopisnogo naslediiia G.I. Spasskogo" ["From the Handwritten Legacy of G.I. Spassky"]. *Prostranstvo kul'tury i strategii issledovaniia: Stat'i i materialy o russkoi provintsii: XX Fetovskie chteniia* [The Space of Culture and Strategies of Research: Articles and Materials on the Russian Province: XX Fet Readings]. Kursk, Kursk State University Publ., 2006, pp. 109–146. (In Russ.)
- 9 Bassin, Mark. "Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia." *Journal of Historical Geography*, vol. 14, no. 1, 1988, pp. 3–21. (In English)
- 10 Brooks, Jeffrey. *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1985. 450 p. (In English)